

К типологии семантического развития глаголов со значением ‘бросать’: данные горномарийского языка¹

1. Введение

Статья посвящена грамматикализации двух горномарийских глаголов, исходно кодирующих ситуации бросания, — *šuaš* и *kəškəš* (*шуаш* и *кышкаш* в литературной орфографии; луговомарийские соответствия — *шуаш* и *кышкаш*)². Эта грамматикализация происходит в составе сложных глагольных комплексов, состоящих из конверба (деепричастия) на *-n* (*-ən*, *-ən*, *-en*) смыслового глагола³ и грамматикализованного финитного глагола. Так, предложение (1) описывает ситуацию сжигания сухой травы, но не описывает какой-либо ситуации бросания. В предложении (2) идет речь о развязывании говорящим множества узлов, но также не о бросании чего бы то ни было.

(1) *mən' kukšə šudə-m jəlat-en šu-en-əm*
я сухой трава-ACC жечь-CVB бросить-PRET-1SG
‘Я сжег сухую траву’.

(2) *mən' cilə püksem-əm šüt-en kəšk-en-əm*
я все узел-ACC развязывать-CVB бросать-PRET-1SG
‘Я развязал все узлы’.

Ранее такие конструкции марийских языков описывались в [Серебренников 1960: 190—199; Пенгитов и др. 1961: 202—216; Чхаидзе 1969; Driussi 1992—1993; Bradley 2010] и др.⁴. Они являются достаточно продуктивными: так, в [Серебренников 1960: 190—199] дается семантическая характеристика 18 глаголов, подвергающихся грамматикализации в сложных глагольных комплексах. В настоящей статье мы не ставим цель охватить все возможные грамматикализованные предикаты, а сосредоточимся на детальном анализе двух из них — *šuaš* и *kəškəš*. Обзор накопленных ранее сведений об их грамматикализации приводится в разделе 2.2. Здесь отметим лишь, что в ряде источников (см., например, [Пенгитов и др. 1961: 205—206; Чхаидзе 1969: 35, 55]) в этом же ряду рассматривается луговомарийский глагол

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 16-18-02081, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

Наименование «горномарийский язык» используется нами вслед за [Языки народов СССР 1966: 221—254; Васикова 1996; Саваткова 2008] и нек. др. источниками. Во многих работах ему соответствует наименование «горное наречие марийского языка».

² Здесь и далее примеры, записанные нами от носителей языка, подаются в фонологической транскрипции латиницей. Примеры, цитируемые из работ других авторов, приводятся в записи источника. Используемая в статье система транскрипции в целом совпадает с системой из [Саваткова 2002], за исключением следующих мест: (1) упрежденный редуцированный гласный, отмечаемый в [Саваткова 2002] как *ə*, записывается нами как *ä*; (2) согласные, обозначаемые в [Саваткова 2002] как *β*, *δ*, *γ*, записываются в статье как *b* / *v*, *d*, *g* соответственно, что отражает наиболее распространенные в исследуемом идиоме варианты их произнесения.

³ В горномарийском языке имеются также конвербы на *-de*, *-meškə*, *-məkə* / *-məkə*, *-məla* / *-mələ*, *-šəla* / *-šələ*, *-šašlanen* / *-šəšlanen* (последний, однако, отсутствует в исследуемом нами идиоме). Базовая информация об их свойствах доступна в [Саваткова 2002: 233—247]. Смысловый глагол в сложных глагольных комплексах они маркировать не могут. От некоторых глаголов вместо конверба на *-n* образуется конверб с нулевым показателем (см. [Саваткова 2002: 234]). Он может входить в состав сложных глагольных комплексов. Показатель претерита (2-го прошедшего времени) материально совпадает с показателем конверба на *-n*, поэтому формы претерита 3 л. ед. ч., не имеющие лично-числовых показателей, материально совпадают с формами данного конверба. Морфосинтаксический статус каждой из форм на *-n* в 3 л. ед. ч. однозначно устанавливается на основании того факта, что словоизменению может подвергаться только второй компонент, ср. (1)—(2).

⁴ В литературе (см., например, [Серебренников 1960: 260; Чхаидзе 1969: 96—98; Хонти 2013]) обсуждается и вопрос о развитии сложных глагольных комплексов в марийских языках под ареальным влиянием тюркских языков. Данную проблематику мы оставляем за рамками настоящей статьи.

кудалташ ‘бросать’, образующий сложные глагольные комплексы со значением «стремительной завершенности действия» (в формулировке [Пенгитов и др. 1961: 205]). В нашем горномарийском материале данный глагол либо его когнат, однако, не встретился. В [СМЯ] горномарийское соответствие для луговомарийского *кудалташ* тоже не приводится. Отсутствие соответствия для данного глагола в горномарийском языке эксплицитно отмечено и в [Krasnova et al. 2017: 167].

Обсуждаемый в статье материал собран в 2016—2018 гг. в экспедициях ОТиПЛ МГУ в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и нескольких окрестных деревнях (Апшак-Пеляк, Кожланангер, Кукшилиды, Никишкино, Паулкино, Тюманово, Яшпатрово)⁵. В первую очередь применялся метод анкетирования носителей языка: в статье учитываются данные, записанные от 23 информантов возрастом от 35 до 80 лет с различным уровнем образования. Дополнительно был проанализирован собранный коллективом экспедиций корпус расшифрованных устных текстов (его текущий объем составляет около 45000 словоупотреблений). В тексте статьи примеры, записанные в ходе опроса носителей, не получают специальной пометы. Корпусные примеры имеют помету «Корпус».

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 суммированы данные предшествующих исследований, касающихся исходной семантики горномарийских глаголов бросания и их грамматикализации. Раздел 3 посвящен свойствам сложных глагольных комплексов с предикатами *šuaš* и *käškäš*: здесь приводятся некоторые их морфосинтаксические характеристики, последовательно анализируется сочетаемость каждого глагола в данных конструкциях, обсуждаются сходства и различия. Раздел 4 содержит основные выводы.

2. Предыдущие исследования

2.1 Глаголы *šuaš* и *käškäš*: исходная семантика

Рассмотрим кратко исходную семантику глаголов *šuaš* и *käškäš* (и их луговомарийских соответствий)⁶, важную, как будет показано далее, для обсуждения их свойств в сложных глагольных комплексах. В [СМЯ] глагол *шуаш* получает множество переводных эквивалентов и дефиниций, предполагающих различные типы броска (‘бросать’, ‘кидать’, ‘забрасывать’, ‘выбрасывать’, ‘взмахом заставляя лететь (падать) что-л. находящееся в руке (руках)’, ‘бросать (бросить) куда-л. с силой или так, чтобы брошенный предмет оказался где-л., что не достать и не найти’), ср. словарные иллюстрации из лугового марийского языка: *мечым шуаш* ‘бросить мяч’, *эгыржым шуаш* ‘забросил удочку’, *шкаф шенгек шуаш* ‘закинуть за шкаф’. У глагола *кышкаш* (с обозначенным в словарной статье горномарийским соответствием *кышкаш*) выделяются значения ‘бросать, сбрасывать, кидать, метать’ (*шудым кышкаш* ‘метать сено’), ‘лить, поливать’ (*вудым кышкаш* ‘поливать водой (букв.: бросать воду)’), ‘кидать, раскидывать, раскидать, разбрасывать, разбросать’ (*терысым кышкаш* ‘разбрасывать навоз’). Толкования этих глаголов в [Саваткова 2008: 127; 353] менее подробны, но не противоречат данным из [СМЯ].

Как показало полевое исследование, описанное в [Мордашова 2017; Кашкин, Мордашова 2017], в исследуемом идиоме глаголы *šuaš* и *käškäš* противопоставлены по параметру количества бросков. Глагол *šuaš* описывает единичный бросок, а глагол *käškäš* — множественные броски. В обоих случаях объект может быть как единичным, так и множественным. Так, в (3a) описывается однократный бросок мяча, а в (3b) — многократные броски (в разные конечные точки или много раз в одну конечную точку). Пример (4a) описывает однократный бросок множественного объекта, пример (4b) — многократные броски, перемещаемым участником в каждом из которых становятся части множественного объекта. Такое семантическое различие отмечено и в словаре [Moisio, Saariinen 2008: 324, 726], где глагол *šuaš* истолкован как ‘werfen, schleudern’ (‘бросать, кидать’), а глагол *käškäš* — как ‘werfen (auch Frequ.)’ (‘бросать, кидать (тж. многократно)’).

- (3) a. *pet'a m'ačik-əm šu-en*
Петя мячик-ACC бросить-PRET
‘Петя бросил мячик’. [Мордашова 2017: 10]
b. *pet'a m'ačik-əm käšk-en*
Петя мячик-ACC бросать-PRET
‘Петя бросал/побросал мячик’. [Мордашова 2017: 11]

⁵ Подробнее о проекте см. <http://hillmari-exp.tilda.ws/>

⁶ В горномарийском языке семантика бросания может быть выражена и рядом других лексических единиц, однако они не подвергаются грамматикализации и нерелевантны для настоящей статьи. Подробнее об устройстве данного семантического поля в исследуемом идиоме см. [Мордашова 2017; Кашкин, Мордашова 2017].

- (4) a. *ärvezä-vlä okn'a gäc mânê-vlä-m šu-en-ät*
 мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC бросить-ПРЕТ-3PL
 ‘Мальчики выбросили яйца из окна (все разом)’. [Мордашова 2017: 12]
- b. *ärvezä-vlä okn'a gäc mânê-vlä-m kăšk-en-ät*
 мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC бросать-ПРЕТ-3PL
 ‘Мальчики бросали яйца из окна’. [Мордашова 2017: 12]

Кроме того, за глаголом *kăškăš*, но не за глаголом *šuaš* закрепляются ситуации, предполагающие каузацию быстрого последовательного перемещения в пространстве частей множественного объекта либо порций вещества, ср. пример (5) о поливе огорода и пример (6) о метании икры.

- (5) *järän-vlä-š väd-äm kăšk-en-äm*
 грядка-PL-ILL вода-ACC бросать-ПРЕТ-1SG
 ‘Я полила грядки водой (букв.: на грядки воду разбросала)’.
- (6) *tänäm st'erläk läkt-eš sir tär-ăškă küer-än pândaş-an mestä-škă*
 тогда стерлядь выходит-NPST.3SG берег край-ILL камень-PROP дно-PROP место-ILL
i tă-štă mörtn'ă-žă-m kăšk-ü
 и тот-IN икра-POSS.3SG-ACC бросать-NPST.3SG
 ‘Тогда стерлядь выходит к берегу в место с каменистым дном и там мечет икру’. (Корпус)

2.2 Глаголы *šuaš* и *kăškăš* в сложных глагольных комплексах

Сложные глагольные комплексы с единицами, анализируемыми в этой статье, рассматривались в ряде работ наших предшественников (преимущественно, однако, на материале лугового марийского языка). Так, в [Пенгитов и др. 1961: 206—207] утверждается, что луговомарийский глагол *шуаш* ‘бросить’⁷ «образует составные глаголы от некоторых переходных глаголов и придает им видовое значение однократности, стремительности совершения действия», тогда как луговомарийский глагол *кышкаш* ‘бросать’ «образует составные глаголы от немногих переходных и непереходных глаголов, выражающих длительное действие, и придает им два разных оттенка значения: а). быстрое, стремительное совершение целенаправленного действия (...); б). бурное и бесконтрольное совершение действия или проявление состояния». С данными толкованиями соглашается и Д. Брэдли [Bradley 2010: 72; 95—96], рассматривающий луговомарийские сложные глагольные комплексы на корпусном материале. В монографии [Чхидзе 1969: 35], основанной преимущественно на материале луговомарийских художественных текстов, глаголу *шуаш* ‘бросить’ в составе сложных глагольных комплексов приписывается «сбрасывательно-довершительная» функция, а глаголу *кышкаш* ‘бросать’ — «разбрасывательная» функция. Далее [Там же: 55] утверждается, что глагол *кышкаш*, в отличие от глагола *шуаш*, предполагает «разбрасывание многих предметов врасыпную». Согласно [Krasnova et al. 2017: 166—167], луговомарийские глаголы *шуаш* и *кышкаш* и их горномарийские соответствия *шуаш* и *кышкăш* в составе сложных глагольных комплексов выражают семантику ‘быстрого действия, неконтролируемого действия’ (‘rapid action; uncontrolled action’), никаких различий при этом не формулируется.

Конструкции с глаголом *šuaš* упоминаются в работе [Голосов 2017]. Согласно этой работе [Там же: 34], данный предикат «сочетается только с переходными глаголами и имеет дополнительное значение полного охвата действия». Иных сведений о грамматикализации *šuaš* в работе Ф. В. Голосова обнаружить не удастся. При этом исходная семантика глагола *šuaš* определена автором как ‘оставлять’, а в зону глаголов бросания включен глагол *koltaš* ‘посылать’. Такие определения представляются, однако, некорректными. У глагола *koltaš* мы не зафиксировали контекстов, где он описывал бы ситуации бросания, нет их и в [Саваткова 2008: 99]. В [СМЯ] у этого глагола выделено 26 значений, 14-м из них указано ‘бросить, швырнуть что-л.’, см. пример (7) из лугового марийского языка.

⁷ В луговом марийском языке имеются омонимичные глаголы *шуаш* ‘достигать’ и *шуаш* ‘бросить’, оба образующие сложные глагольные комплексы. В большинстве контекстов они могут быть различены по набору аффиксов времени, лица и числа, поскольку глагол *шуаш* ‘достигать’ относится к I спряжению, а глагол *шуаш* ‘бросить’ — ко II спряжению. В горномарийском языке эти лексемы могут быть различены в любой форме, поскольку луговомарийскому *шуаш* ‘достигать’ соответствует горномарийская лексема *šoasš*, а луговомарийскому *шуаш* ‘бросить’ — горномарийская лексема *šuaš*. Говоря о луговомарийских конструкциях с глаголом *шуаш*, мы в рамках настоящей статьи учитываем только конструкции с лексемой *шуаш* ‘бросить’.

- (7) *Тоя-м колт-а корак ўмба-к*
палка-ACC посылать-NPST.3SG ворона верх-ILL2
‘Бросает палку на⁸ ворону’. [СМЯ]

Можно предположить, что данное употребление могло быть калькировано с русского *запускать*, ср. приводимые в [СМЯ] многочисленные употребления глагола *колташ* как переводного эквивалента русских глаголов *пускать*, *запускать*, *отпускать* и *выпускать* (в контекстах ‘отпускать чью-то руку’, ‘отпускать/выпускать из госпиталя’, ‘пускать/запускать мотор’, ‘отпускать волосы’, ‘пускать корни’ и др.). Строгое доказательство этого предположения выходит за рамки настоящей статьи, однако выделение значения, проиллюстрированного в (7), в качестве источника грамматикализации глагола *koltaš* в любом случае не представляется обоснованным.

Что касается значения ‘оставлять’, приписанного в [Голосов 2017] глаголу *šuaš*, то оно приводится и в [Саваткова 2008: 353], но полностью сформулировано как ‘оставлять, бросать кого-л.’. По-видимому, за этим стоят следующие типы контекстов, приводимые в [СМЯ] для лугового марийского: *институ-тым шуаш* ‘бросить институт’, *ешым шуаш* ‘бросить семью’, *тунеммым шуаш* ‘бросить учёбу’. Буквальное значение ‘оставлять что-л. где-л.’ выражается в исследуемом идиоме глаголом *kodaš* (8), см. также [Саваткова 2008: 97; СМЯ]. Тем самым, в [Голосов 2017] в качестве исходного для глагола *šuaš* указан никак не его первичный класс употреблений.

- (8) *тән' рај-әт миск-еš код-ен-әм*
я мясо-ACC миска-LAT оставлять-PRET-1SG
‘Я оставила мясо в миске’.

Некоторые сведения об обсуждаемых конструкциях доступны в словарях. В [Саваткова 2008: 353] сказано, что глагол *шуаш* ‘бросить’ «образует составные глаголы со значением завершенности действия», тогда как для глагола *кышкаш* ‘бросать’ сведений об употреблении в сложных глагольных комплексах не дается [Там же: 127]. Согласно [СМЯ], *шуаш* «образует составные глаголы со значением внезапности, быстроты или завершенности действия» (различий между луговомарийскими и горномарийскими данными не формулируется). В словарной статье *кышкаш*, в свою очередь, не выделяется специального значения для таких конструкций, однако в качестве отдельных словарных статей подаются некоторые сочетания конвербов на *-н* с данным глаголом, где у него не усматривается исходная семантика множественного бросания, ср., например, *лупиен кышкаш* ‘отхлестать, побить, выпороть’ (9) или *вурсе-дыл(ын) кышкаш* ‘поругаться, побраниться с кем-л. (с оттенком бурного протекания и быстрого завершения действия)’ (10). Все приведенные примеры такого типа принадлежат луговому марийскому языку.

- (9) *Тудо моткоч патыр, чыла-шты-м=ат лупи-ен кышк-ыш.*
тот очень сильный все-POSS.3SG-ACC=ADD бить-CVVB бросать-AOR
‘Он очень сильный, побил всех’. [СМЯ]

- (10) *Черет-ыште ул-шо-влак ик-те — вес-ы-шт дене вурс-едыл*
очередь-IN быть-PTCP.ACT-PL один-FULL другой-FULL-POSS.3PL с ругать-ITER.CV
кышк-ат гын, нуны-м тудо (дядя Костя) тыманмеш сōрас-тар-а.
бросать-NPST.3PL если они-ACC тот дядя Костя сразу мириться-CAUS-NPST.3SG
‘Стоящие в очереди если разругаются друг с другом, дядя Костя их тут же помирит’. [СМЯ]

В ряде релевантных источников данные о рассматриваемых нами конструкциях отсутствуют, ср. в частности [Серебренников 1960: 190—199]. В горномарийской грамматике [Саваткова 2002: 210—211] всем сложным глагольным комплексам посвящено только два абзаца, а отсутствие их подробного рассмотрения автор связывает с тем, что «в их употреблении не имеется значительных диалектных различий». Крайне лаконично они описаны и в грамматике [Alhoniemi 1993: 135—136] (конструкции с обсуждаемыми в этой статье глаголами — *šuaš* и *käškäš* в записи А. Алхониemi — упоминаются, но не характеризуются сколько-либо подробно).

В целом, тем самым, в предшествующих работах фиксируются сложные глагольные комплексы с луговомарийскими глаголами *шуаш* ‘бросить’ и *кышкаш* ‘бросать’ (и несколько менее системно — с их горномарийскими соответствиями *šuaš* и *käškäš*). Указывается, что эти конструкции описывают совершение действия, происходящего быстро и/или неконтролируемо. Однако из этих описаний неясны, во-первых, сочетаемостные ограничения глаголов *šuaš* и *käškäš* в сложных глагольных комплексах;

⁸ Сохранен перевод, данный в словаре.

во-вторых, семантические различия между данными конструкциями. Кроме того, многие дефиниции (ср., например, «сбрасывательно-довершительная функция») выглядят довольно расплывчато и требуют уточнений.

2.3. Глаголы с семантикой ‘бросать’ в типологии

Типологии глаголов с семантикой ‘бросать’ посвящены работы [Ивтушок 2015; 2016]. Однако Е. И. Ивтушок не рассматривает вопросы их грамматикализации, ограничиваясь семантическими оппозициями в прямых значениях (направление движения, единичность vs. множественность объекта, наличие vs. отсутствие цели или адресата, наличие vs. отсутствие проявления эмоций и нек. др.). Некоторые сведения о грамматикализации таких лексем приводятся в [Heine, Kuteva 2004: 297—298]: согласно этой работе, единицы с исходной семантикой бросания могут развиваться в языках мира в маркер перфекта или комплетива. В [Hook 1991] глаголы данного поля упомянуты в качестве одного из источников перфективных маркеров в индоарийских языках. В [Гращенков 2015: 73—74] проанализировано употребление глаголов с исходной семантикой ‘бросать’ в сложных глагольных комплексах нескольких тюркских языков. Данным лексемам приписывается грамматическая функция пунктива, а в привлеченных автором предшествующих описаниях тюркских языков используются такие дефиниции, как «законченность действия», «однократность и окончательность действия», «быстрота, энергичность», «интенсивность и внезапность». В монографии [Майсак 2005], посвященной типологии грамматикализации глаголов позиции и перемещения, глаголы бросания не рассматриваются. В целом, тем самым, типологических сведений о грамматикализации лексем этого поля систематизировано не так много, и в этом смысле марийские данные представляют отдельный интерес.

3. Грамматикализация глаголов *šuaš* и *käškäš*: полевые данные

3.1. Формальные свойства конструкций

При анализе рассматриваемого материала сложные глагольные комплексы важно отличать от свободных сочетаний конвербов с полнозначными глаголами бросания, поскольку смешение этих типов конструкций могло бы повлечь некорректные выводы о сочетаемостных ограничениях (этот вопрос обсуждался в частности в [Чхаидзе 1941: 49—55; Чхаидзе 1969: 9—30; Driussi 1992—1993], но без специального подробного рассмотрения конструкций с глаголами *šuaš* и *käškäš*).

В нашем распоряжении имеются суждения носителей языка о том, что в рассматриваемых далее конструкциях глаголы *šuaš* и *käškäš* не описывают бросание (из чего можно сделать вывод об их десемантизации). Это обстоятельство коррелирует, вместе с тем, с высокой степенью морфосинтаксической слитности данных конструкций, которая становится видна из приводимых далее в разделе 3.1 диагностик⁹. Утверждение о грамматикализации данных предикатов получает, тем самым, не только семантическую, но и морфосинтаксическую аргументацию (см. теоретическое обсуждение взаимосвязи данных аспектов грамматикализации в [Hopper, Traugott 2003: 140—211; Lehmann 2015: 129—188] и мн. др. источников). Рассмотрим проведенные диагностики далее.

Во-первых, вставка иных составляющих между компонентами этих конструкций либо вызывает буквальную интерпретацию ((11b), (12b)), либо приводит к потере грамматичности ((11c), (12c)), ср. (11a), (12a).

- (11) a. *püergä püšängä-m ro-en šu-en*
 мужчина дерево-ACC рубить-CVB бросить-PRET
 ‘Мужчина срубил дерево’.
- b. *#püergä püšängä-m ro-en tädä-m šu-en*
 мужчина дерево-ACC рубить-CVB он-ACC бросить-PRET
 ‘Мужчина, срубив дерево, бросил его’.
- c. **püergä ro-en püšängä-m šu-en*
 мужчина рубить-CVB дерево-ACC бросить-PRET
 Ожидаемое значение: ‘Мужчина срубил дерево’.
- (12) a. *vas’a cilä pi-m pušt-ân käšk-en*
 Вася все собака-ACC убивать-CVB бросать-PRET
 ‘Вася поубивал всех собак’.

⁹ Набор диагностик в существенной степени опирается на [Гращенков 2015; 2017].

- b. #*vas'a cilä pi-m pušt-ân nänä-m kăšk-en*
 Вася все собака-ACC убивать-CVB они-ACC бросать-PRET
 ‘Вася, убив всех собак, побросал их’.
- c. **vas'a pušt-ân cilä pi-m kăšk-en*
 Вася убивать-CVB все собака-ACC бросать-PRET
 Ожидаемое значение: ‘Вася поубивал всех собак’.

Во-вторых, при пассивизации показатель пассивного причастия *-mâ* (*-âtmâ*, *-mâ*, *-âtmâ*) оформляет грамматикализованный финитный глагол, но не обе части сложного глагольного комплекса, см. (13)—(14)¹⁰. При сочетании двух независимых полнозначных глаголов ожидалась бы пассивизация их обоих, как в (15).

- (13) a. *vas'a(-m) pušt-ân ŝu-mâ*
 Вася(-ACC) убивать-CVB бросить-PTCP.PASS
 ‘Вася убит’.
- b. **vas'a(-m) pušt-mâ ŝu-mâ*
 Вася(-ACC) убивать-PTCP.PASS бросить-PTCP.PASS
 Ожидаемое значение: ‘Вася убит’.

- (14) a. *cilä pi-(m) pušt-ân kăšk-âmä*
 все собака (-ACC) убивать-CVB бросать-PTCP.PASS
 ‘Все собаки убиты’.
- b. **cilä pi-(m) pušt-mâ kăšk-âmä*
 все собака (-ACC) убивать-CVB бросать-PTCP.PASS
 Ожидаемое значение: ‘Все собаки убиты’.

- (15) *tăškeve jakte fermâ-št=at âškal-vlâ-m jü-kt-âš, imn'i-vlâ-m*
 до.тех.пор до ферма-IN=ADD корова-PL-ACC пить-CAUS.DIST-INF лошадь-PL-ACC
jü-kt-âš cišti kid don, vedärä don väd-âm namal-mâ, pukš-âtmâ
 пить-CAUS.DIST-INF совсем рука с ведро с вода-ACC носить-PTCP.PASS кормить-PTCP.PASS
 ‘До этого и на фермах поить коров, поить лошадей всё руками, ведрами таскали воду, кормили’.
 (Корпус)

В-третьих, при каузативизации сложных глагольных комплексов маркер каузатива, как правило, оформляет конверб смыслового глагола, см. пример (16) со сложным глагольным комплексом, который образован глаголом *šändäš* ‘сажать, ставить’, грамматикализующимся в маркер достижения предела в ситуациях создания нового объекта или накопления ресурса (подробнее о семантике конструкций с *šändäš* см. [Кашкин 2018]).

- (16) a. *ävä-žä ergä-žä-län järän-âm kapaj-âkt-en šänd-en*
 мать-POSS.3SG сын-POSS.3SG-DAT грядка-ACC копать-CAUS.DIST-CVB сажать-PRET
 ‘Мама заставила сына вскопать грядку’.
- b. **ävä-žä ergä-žä-län järän-âm kapaj-en šänd-âkt-en*
 мать-POSS.3SG сын-POSS.3SG-DAT грядка-ACC копать-CAUS.DIST-CVB сажать-PRET
 ‘Мама заставила сына вскопать грядку’.

То же наблюдается и в сложных глагольных комплексах с лексемами *šuaš* (17) и *kăškäš* (18). В (18b) конструкция с каузативным оформлением финитного глагола *kăškäš* несовместима в большинстве идиолектов с его десемантизацией, т. е. данный пример интерпретируется носителями как композиционное сочетание финитного глагола *kăškäš* ‘бросать’ и конверба глагола *puštaš* ‘убивать’. Для (17b) подобная интерпретация носителями не предлагалась — по-видимому, либо по соображениям прагматики, либо в силу того факта, что семантика удаления ненужного единичного объекта (ср. рус. *выбросить*), которая бы предполагалась при буквальной интерпретации, в исследованном идиоме, как правило, выражается конструкцией *šuen koltaš* (букв.: ‘бросив послать’), а не собственно глаголом *šuaš* (см. [Мордашова 2017]).

¹⁰ Пациентивный участник в горномарийских конструкциях с пассивным причастием может быть оформлен как аккумулятивом, так и номинативом.

- (17) a. *maša vas'a-lan jasâ pi-m pušt-âkt-en šu-en*
 Маша Вася-DAT больной собака-ACC убивать-CAUS.DIST-CVB бросить-PRET
 'Маша заставила Васю убить больную собаку'.
 b. *maša vas'a-lan jasâ pi-m pušt-ân šu-kt-en*
 Маша Вася-DAT больной собака-ACC убивать-CVB бросить-CAUS.DIST-PRET
 'Маша заставила Васю убить больную собаку'.
- (18) a. *pet'a vas'a-lan pi-vlä-m pušt-âkt-en kăšk-en*
 Петя Вася-DAT собака-PL-ACC убивать-CAUS.DIST-PRET бросать-PRET
 'Петя заставил Васю поубивать собак'.
 b. *#pet'a vas'a-lan pi-vlä-m pušt-ân kăšk-âkt-en*
 Петя Вася-DAT собака-PL-ACC убивать-CVB бросать-CAUS.DIST-PRET
 'Петя заставил Васю убивать и бросать собак'.
 ?? 'Петя заставил Васю поубивать собак'.

3.2 Подход к анализу конструкций: акциональность vs. лексическая семантика

Для некоторых сложных глагольных комплексов тюркских языков, к которым структурно близки анализируемые в этой статье горномарийские конструкции, ограничения на смысловой глагол формулируются в ряде работ с опорой на его акциональный класс (см., например, [Шлуинский 2006; Мищенко 2013]). В таких случаях по акциональному классу смыслового глагола можно предсказать его допустимость и интерпретацию в заданной конструкции. Для рассматриваемых в этой статье конструкций с *šuaš* и *kăškăš* такой подход, однако, не позволяет в полной мере предсказать ограничения на набор смысловых глаголов. Например, горномарийские глаголы *pădârtaš* 'ломать' и *pogaš* 'собирать' относятся к слабому предельному акциональному классу¹¹: форма их непрошедшего времени описывает процесс, а форма претерита может либо также описывать процесс, либо вводить результирующее состояние, возникающее в результате достижения предела процессом (см. примеры (19)—(20), иллюстрирующие интерпретацию форм претерита от указанных глаголов).

- (19) *vas'a toštâ pört-äm pădârt-en*
 Вася старый дом-ACC ломать-PRET
 'Вася сломал/ломал старый дом'.
 (20) *vas'a kal'avongâ-m pog-en*
 Вася гриб-ACC собирать-PRET
 'Вася собрал/собирал грибы'.

В то же время в конструкциях с глаголами *šuaš* и *kăškăš* допустим глагол *pădârtaš*, но недопустим глагол *pogaš*, ср. (21) и (22).

- (21) *vas'a toštâ pört-äm pădârt-en šu-en*
 Вася старый дом-ACC ломать-CVB бросить-PRET
 'Вася сломал старый дом'.
 (22) **vas'a kal'avongâ-m pog-en šu-en*
 Вася гриб-ACC собирать-CVB бросить-PRET
 Ожидаемое значение: 'Вася собрал грибы'.

Кроме того, возможность сочетания с рассматриваемыми грамматикализованными предикатами может различаться для разных контекстов использования одного и того же глагола. Например, глагол *jog-taraš* может означать как 'выливать' (23a), так и 'наливать' (23b). Оснований усматривать в этом случае акциональные различия не имеется, однако в (23a) конструкция с *šuaš* возможна, а в (23b) — нет.

- (23) a. *măn' peckä gâc-ân l'ävärä-n väd-äm jog-tar-en-äm / jog-tar-en šu-en-äm*
 я бочка EL-FULL грязь-PROP вода-ACC течь-CAUS-PRET-1SG течь-CAUS-CVB бросить-PRET-1SG
 'Я вылил из бочки грязную воду'.

¹¹ Мы опираемся на подход к акциональной классификации, представленный в [Татевосов 2016] и ряде предшествующих работ того же автора.

b. *mān' jog-tar-en-äm* / **jog-tar-en šu-en-äm* *vedrä-š itärä väd-äm*
 я течь-CAUS-PRET-1SG течь-CAUS-CVB бросить-PRET-1SG ведро-ILL чистый вода-ACC
 ‘Я налил в ведро чистую воду’.

Ориентируясь на эти и другие подобные примеры, далее при обсуждении набора смысловых глаголов, возможных в рассматриваемых конструкциях, мы сосредоточимся на их лексико-семантических характеристиках, не сводящихся к акциональному классу. При исследовании сочетаемости изначально проверялся список из примерно 50 смысловых глаголов, относящихся к различным акциональным и семантическим классам (ср. аналогичный подход при исследовании акциональной классификации в [Татевосов 2016]). Эти данные были дополнены корпусным материалом, а также примерами, которые приводили сами носители языка на то, в каких ситуациях для них было бы естественно употребить глаголы *šuaš* и *käškäš*.

3.3. Глагол *šuaš* ‘бросить’: сочетаемость

3.3.1. Базовые сочетаемостные ограничения

В корпусе экспедиционных текстов содержится 90 вхождений глагола *šuaš*. В 28 из них он входит в состав сложных глагольных комплексов. Эти данные суммированы в Таблице 1.

Таблица 1. Сочетаемость глагола *šuaš* ‘бросить’ в сложных глагольных комплексах (корпусные данные)

Смысловый глагол	Число вхождений
<i>mondaš</i> ‘забывать’	3
<i>lāktaš</i> ‘извлекать’, <i>salaš</i> ‘косить’, <i>šälätäš</i> ‘разрушать, разбрасывать, тратить (деньги)’, <i>šiäš</i> ‘бить’	по 2
<i>itäräjäš</i> ‘очищать’, <i>jälataš</i> ‘жечь’, <i>jörtäš</i> ‘гасить’, <i>kačkaš</i> ‘есть’, <i>käräš</i> ‘рвать (о разделении на части)’, <i>käškäš</i> ‘бросать’, <i>näläš</i> ‘брать’, <i>něžäš</i> ‘тереть, скоблить’, <i>pačaš</i> ‘открывать’, <i>pačkaltaš</i> ‘стряхивать’, <i>pajālaš</i> ‘делить’, <i>panežäš</i> ‘опаливать’, <i>pädārtaš</i> ‘ломать’, <i>pāraš</i> ‘грызть, жевать’, <i>potopaš</i> ‘затапливать’, <i>puštaš</i> ‘убивать’, <i>vārsaš</i> ‘ругать’	по 1

Ввиду того, что объем экспедиционного корпуса на данный момент сравнительно невелик, большинство глаголов в Таблице 1 (содержащей итога 22 лексемы) представлено единичными вхождениями. Важно, тем не менее, что эти глаголы разбиваются на представительные семантические классы. Так, среди них представлено 10 глаголов, предполагающих разрушение или уничтожение пациенса различными способами (*jälataš* ‘жечь’, *jörtäš* ‘гасить’, *kačkaš* ‘есть’, *käräš* ‘рвать (о разделении на части)’, *pajālaš* ‘делить’, *potopaš* ‘затапливать’, *pädārtaš* ‘ломать’, *pāraš* ‘грызть, жевать’, *puštaš* ‘убивать’, *šälätäš* ‘разрушать, разбрасывать, тратить (деньги)'). Еще 6 глаголов из Таблицы 1 обозначают удаление лишнего объекта откуда-либо (*lāktaš* ‘извлекать’, *salaš* ‘косить’, *itäräjäš* ‘очищать’, *něžäš* ‘тереть, скоблить’, *pačkaltaš* ‘стряхивать’, *panežäš* ‘опаливать’). К представленным классам близок и глагол *mondaš* ‘забывать’, описывающий удаление некоторого ментального содержания. Встретившиеся в рассматриваемых конструкциях глаголы *šiäš* ‘бить’ и *vārsaš* ‘ругать’, как и многие перечисленные выше глаголы разрушения или удаления, предполагают агрессивное воздействие на пациентивного участника.

Опрос носителей языка подтверждает закономерности, выявленные по корпусным данным, а также позволяет расширить список смысловых глаголов, с которыми сочетается *šuaš* в сложных глагольных комплексах. В дополнение к глаголам, перечисленным выше, на данный момент зафиксированы сочетания *šuaš* с глаголами *port'aš* ‘портить’, *lüäš* ‘стрелять’, *roaš* ‘рубить’, *šeläš* ‘колоть’ (например, дрова), *päčkedäš* ‘резать’, *jangāštaš* ‘молоть’, *pāžaš* ‘разбирать’ (например, старый дом), *šütäš* ‘развязывать’, *jog-taraš* / *jästäräš* ‘выливать’, *jamdaš* ‘терять’. Все они укладываются в обозначенные выше семантические классы глаголов разрушения, уничтожения и удаления объекта. Кроме того, в ходе опроса носителей выявлены сочетания *šuaš* с глаголами обработки пациентивного участника (*māškaš* ‘мыть’, *ut'užaš* ‘гладить’), с глаголом смены possessора *vēžalaš* ‘продавать’, а также с некоторыми глаголами, описывающими создание нового объекта. Такие конструкции имеют ряд специфических свойств, которые будут рассмотрены подробнее в разделе 3.3.2.

Некоторые иллюстрации употребления конструкций с глаголом *šuaš* приведены в (24)—(26):

- (24) *tänäm kazan' kr'emäl'-äm srazê näl-än kert-tel-ät. sedändono*
 тогда Казань Кремль-ACC сразу брать-CVB мочь-NEG.PRET-3PL поэтому
reš-en-ät kr'emäl'-än st'enä-m vzryv dono pädärt-en šu-aš.
 решать-3PL Кремль-GEN стена-ACC взрыв с ломать-CVB бросить-INF
 'Тогда Казанский Кремль сразу взять не могли. Поэтому решили разрушить стену Кремля с помощью взрыва'. (Корпус)
- (25) *ussur'ijsk xala-š mi-š-nä, tã-štã mäm-nä-m jãle pajâl-en šu-evã*
 Уссурийск город-ILL приходить-AOR-1PL тот-IN мы-POSS.1PL-ACC быстро делить-CVB бросить-AOR.3PL
 'Мы приехали в город Уссурийск, там нас (призывников — Е. К.) быстро поделили'. (Корпус)
- (26) *män' mond-en šu-en-äm, tagaçê vet ät'i-ävi-vlä-n postar-n-ämaš*
 я забывать-CVB бросить-1SG сегодня ведь отец.KIN-мать.KIN-PL-GEN собирать-DETR-NMLZ
 'Я забыл, сегодня ведь родительское собрание'.

С глаголами, не предполагающими разрушение, уничтожение или удаление пациентивного участника, предикат *šuaš* в сложных глагольных комплексах не сочетается. Так, носителями языка отвергнуты его сочетания с глаголами контакта (например, *šãpšalaš* 'целовать'), каузации перемещения объекта без существенного изменения его свойств (*šãkãš* 'толкать, двигать'), эмоций (*lüdãktãš* 'пугать', *jarataš* 'любить'), социального взаимодействия (*altalaš* 'обманывать'), накопления ресурса (*temãš* 'наполнять', *pogaš* 'собирать') и др., см. следующие иллюстрации:

- (27) *tädä män'-äm altal-en / *altal-en šu-en*
 он я-ACC обманывать-3PL обманывать-CVB бросить-3PL
 'Он меня обманул'.
- (28) *vas'a ädärãš-län peledãš-äm pog-en / *pog-en šu-en*
 Вася девочка-DAT цветок-ACC собирать-3PL собирать-CVB бросить-3PL
 'Вася собрал для девочки цветов'.

Как можно было увидеть из приведенных ранее примеров, сложные глагольные комплексы с *šuaš* описывают предельные ситуации, ср. возможность их сочетания с обстоятельствами типа 'за две минуты' (29a), но не с обстоятельствами типа 'две минуты' (29b). Эти данные соответствуют как ранее сделанным выводам (см. их обзор в разделе 2.2) о семантике данных конструкций в марийских языках, так и типологическим предсказаниям, касающихся грамматикализации глаголов бросания (см. раздел 2.3).

- (29) a. *püergã püšãngã-m kok minut-ãštã ro-en šu-en*
 мужчина дерево-ACC два минута-IN рубить-CVB бросить-3PL
 'Мужчина за две минуты срубил дерево'.
- b. **püergã püšãngã-m kok minut ro-en šu-en*
 мужчина дерево-ACC два минута рубить-CVB бросить-3PL
 Ожидаемое значение: 'Мужчина две минуты рубил дерево'.

Кроме того, конструкции с *šuaš* описывают в первую очередь быстрое осуществление действия (на что указывали и многие наши предшественники, см. раздел 2.2). Так, они свободно сочетаются с адвербиалами, указывающими на высокую скорость (30a), но не во всех идиолектах сочетаются с адвербиалами, указывающими на низкую скорость (30b).

- (30) a. *püergã pãšã-n pandã-m ro-en šu-en*
 мужчина быстрый-ADV палка-ACC рубить-CVB бросить-3PL
 'Мужчина быстро разрубил палку'.
- b. *?püergã olen pandã-m ro-en šu-en*
 мужчина медленно палка-ACC рубить-CVB бросить-3PL
 'Мужчина медленно разрубил палку'.

3.3.2. Отклонения от базовых ограничений

В конструкциях с глаголом *šuaš*, как правило, не встречаются глаголы обработки пациентивного участника, не предполагающей его деструкции (как *mãškaš* 'мыть' или *ut'užãš* 'гладить'), а также глаго-

лы создания нового объекта (как *siräš* ‘писать’ (письмо) или *jalštaš* ‘завязывать’ (узел)). Так, примеры (31) и (32) уверенно отвергаются опрошенными носителями:

- (31) **män' törölkä-m mǎšk-ǎn šu-en-üm*
я тарелка-ACC мыть-CVB бросить-PRET-1SG
‘Я помыл тарелку’.
- (32) **män' otčot-ǎm sir-en šu-en-üm, šukǎ-štǎ agǎl kolt-em*
я отчет-ACC писать-CVB бросить-PRET-1SG много-IN NEG посылать-NPST.1SG
‘Я написала отчет, скоро отправлю’.

В то же время, во многих идиолектах *šuaš* сочетается с указанными глаголами, если они имеют множественный объект, ситуация обработки которого находится в прагматической пресуппозиции в понимании [Lambrecht 1994] (т. е. информация об осуществлении или о необходимости осуществления этой ситуации известна говорящему и слушающему). Кроме того, подобные примеры в большей степени приемлемы для носителей, если речь идет о полном охвате объекта. Так, предложение (33a), предполагающее полный охват известного из контекста множества, оценивается как грамматичное большим числом носителей, чем предложение (33b), предполагающее неполный охват известного из контекста множества. При этом имеются идиолекты, в которых одновременно грамматичен пример (33a) и неграмматичен пример (33b).

- (33) a. *män' cilǎ törölkä-m mǎšk-ǎn šu-en-üm*
я все тарелка-ACC мыть-CVB бросить-PRET-1SG
‘Я перемыл все тарелки’.
- b. ?*män' lu törölkä-m mǎšk-ǎn šu-en-üm, vǎz-ǎt eče kod-ǎn*
я десять тарелка-ACC мыть-CVB бросить-PRET-1SG пять-FULL еще оставаться-PRET
‘Я 10 тарелок вымыл, 5 еще осталось’.

Предложение (34a), вводящее новый референт с ролью результата, оценивается носителями как неграмматичное, тогда как предложение (34b), указывающее на выполнение действия, необходимость которого была известна участникам коммуникации, допускается многими носителями.

- (34) a. *tagačǎ mǎn' koklǎ sir-mǎš-ǎm sir-en-üm / *sir-en šu-en-üm*
сегодня я двадцать писать-NMLZ-ACC писать-PRET-1SG писать-CVB бросить-PRET-1SG
‘Сегодня я написала 20 писем’.
- b. ^{OK}*tagačǎ mǎn' koklǎ sir-mǎš-ge sir-en šu-en-üm*
сегодня я двадцать писать-NMLZ-COM писать-CVB бросить-PRET-1SG
‘Сегодня я написала все 20 писем’.

Сочетание глагола *šuaš* со смысловым глаголом *vǎžalaš* ‘продавать’ для многих носителей неприемлемо, если речь идет о продаже единичного объекта (35). Если же прямой объект реферирует к какому-либо множеству, как в (36), то ограничений на эту конструкцию не возникает.

- (35) *vas'a toma-žǎ-m vǎžal-en / ?vǎžal-en šu-en*
Вася дом-POSS.3SG-ACC продавать-PRET продавать-CVB бросить-PRET
‘Вася продал дом’.
- (36) *vas'a cilǎ kn'igǎ-žǎ-m vǎžal-en šu-en*
Вася все книга-POSS.3SG-ACC продавать-CVB бросить-PRET
‘Вася все свои книги распродал’.

Распространить закономерности, выявленные для глагола *vǎžalaš* ‘продавать’, на более широкий класс предикатов передачи объекта на данной стадии исследования невозможно. Глагол *puaš* ‘давать’, по имеющимся данным, не используется в сложных глагольных комплексах с *šuaš* (при этом значение ‘раздать что-л.’ выражается, как правило, глаголом *šǎlätǎš*, исходно означающим ‘разбросать, разрушить’). Значение ‘одолжить деньги кому-л.’ выражается сочетанием *küsǎlä puaš* ‘дать в долг’ с тем же смысловым глаголом *puaš*. Выражение иных ситуаций передачи объекта не исследовалось.

Таким образом, в первую очередь в сложных глагольных комплексах с *šuaš* используются смысловые глаголы разрушения, уничтожения или удаления. Они входят в число прототипических переходных глаголов, объект которых соответствует прототипу семантической роли пациенса (см. [Hopper, Thompson 1980; Dowty 1991; Malchukov 2005] и др.). В этом случае конструкция не имеет ограничений на чи-

словую референцию объекта. С глаголами обработки, создания нового объекта, а также с глаголом передачи объекта ‘продавать’ конструкция с *šuaš* совместима во многих идиолектах, но требует в этом случае семантически множественного участника. Сами эти глаголы по ряду семантических признаков отклоняются от переходного прототипа (так, их объект не подвергается необратимым изменениям, в отличие от объекта глаголов разрушения или уничтожения; они могут быть совместимы с частичным воздействием на объект, ср. воздействие на все части тарелки в ситуации ‘разбить тарелку’ vs. воздействие только на внешнюю поверхность в ситуации ‘вымыть тарелку’; обозначаемая ими ситуация может быть более значительно растянута во времени). Причины возникновения именно для этого типа предикатов ограничения на количественную референцию объекта требуют дальнейшего анализа. Отметим лишь, что ограничение, связанное с количественными характеристиками ситуации или ее участников, не уникально типологически для конструкций с грамматикализованными глаголами бросания. В [Baranova 2013: 19—21] у сложных глагольных комплексов с предикатом бросания в калмыцком языке фиксируется семантика глагольной множественности либо дистрибутивности (ограничений на подвергающиеся такому ограничению типы смысловых глаголов при этом, однако, не формулируется — и в этом смысле наши горномарийские данные отличаются от калмыцких данных В. В. Барановой).

3.4. Глагол *käškäš* ‘бросать’: сочетаемость

Информация о сложных глагольных комплексах с лексемой *käškäš* приводится на основании анкетирования носителей. В корпусе конструкций такого типа не встретилось (в целом, однако, глагол *käškäš* менее частотен в корпусе, чем глагол *šuaš*: всего имеется 90 вхождений *šuaš* и 47 вхождений *käškäš*, 26 из которых реализуют значение ‘метать (икру)’ и содержатся в одном тексте, посвященном жизни различных видов рыб).

В ходе опроса носителей были зафиксированы сочетания глагола *käškäš* со следующими смысловыми глаголами: *pädärtaš* ‘ломать’, *puštaš* ‘убивать’, *oltaš/jälataš* ‘жечь’, *port’aš* ‘портить’, *käškedäš* ‘рвать’, *käräš* ‘рвать, ломать’, *lüäš* ‘стрелять’, *jogtaraš/jästäräš* ‘выливать’, *šütäš* ‘развязывать’, *roaš* ‘рубить’, *pačkaltaš* ‘стряхивать’, см. иллюстрации в (37)—(39).

(37) *mäm-nä-n šärgä-štä cilä moskä-m pušt-än käšk-en-ät*
мы-POSS.1PL-GEN лес-IN все медведь-ACC убивать-CVB бросать-PRET-3PL
‘У нас в лесу всех медведей поубивали’.

(38) *män’ cilä xädär-em-vlä-m jätlat-en käšk-en-äm*
я все вещь-POSS.1SG-PL-ACC жечь-CVB бросать-PRET-1SG
‘Я всё своё барахло сжег’.

(39) *tän’ orodä, cilä port’-en käšk-äš-äc*
ты дурак всё портить-CVB бросать-AOR-2SG
‘Ты дурак, всё испортил!’.

Классы смысловых глаголов, не используемые в конструкции с *šuaš*, не допускаются и в конструкции с *käškäš*. Так, например, в сложных глагольных комплексах с *käškäš* не встречаются глаголы накопления ресурса (*temäš* ‘наполнять’), эмоций (*lüdäktäš* ‘пугать’, *jarataš* ‘любить’), социального взаимодействия (*altalaš* ‘обманывать’), контакта или перемещения объекта без его существенного изменения (*šäpšalaš* ‘целовать’, *šäkäš* ‘толкать, двигать’), ср. (40)—(41).

(40) *cilä peckä-vlä-m väd dono tem-en-äm / *tem-en käšk-en-äm*
все бочка-PL-ACC вода с наполнять-PRET-1SG наполнять-CVB бросать-PRET-1SG
‘Я наполнил все бочки водой’.

(41) *vas’a ädär-vlä-m lüd-äkt-en / *lüd-äkt-en käšk-en*
Вася девочка-PL-ACC бояться-CAUS.DIST-CVB бояться-CAUS.DIST-CVB бросать-PRET
‘Вася напугал девочек’.

В отличие от глагола *šuaš*, глагол *käškäš* не сочетается с конвербом глагола *mondaš* ‘забывать’:

(42) *män’ nänä-n läm-äštä-m mond-en-äm / mond-en šu-en-äm*
я они-GEN имя-POSS.3PL-ACC забывать-PRET-1SG забывать-CVB бросить-PRET-1SG
/ **mond-en käšk-en-äm*
забывать-CVB бросить-PRET-1SG
‘Я забыл их имена’.

Глаголы обработки пациентивного участника (как *māškaš* ‘мыть’) и глагол *vāžalaš* ‘продавать’, указывающий на смену посессора, могут использоваться в конструкциях с *kāškāš*, см. (43)—(44).

(43) *mən' cilā ploška-m māšk-ān kāšk-āš-əm*
я все плоска-ACC мыть-CVB бросать-AOR-1SG
‘Я вымыла все плоски’.

(44) *jel'cin cilā zavod-əm vāžal-en kāšk-en*
Ельцин все завод-ACC продавать-CVB бросать-PRET
‘Ельцин распродал все заводы’.

Глаголы создания нового объекта в конструкции с глаголом *kāškāš* не используются (в том числе в тех идиолектах, где такие глаголы свободно употребляются в конструкции с *šuaš*):

(45) *mən' cilā püksem-əm jalšt-en-äm / jalšt-en šu-en-äm*
я все узел-ACC завязывать-PRET-1SG завязывать-CVB бросить-PRET-1SG
/ **jalšt-en kāšk-en-äm, kâdâ-vlä-m tən' jad-än-at*
завязывать-CVB бросать-PRET-1SG который-PL-ACC ты просить-PRET-2SG
‘Я завязал все узлы, которые ты попросил’.

Как и конструкции с *šuaš*, конструкции с *kāškāš* описывают предельную ситуацию, см. (46a—b), а также, как правило, предполагают, что действие совершено быстро (47a), ср. запрет (47b) в ряде идиолектов.

(46) a. *vas'a pumaga l'ist-əm tâgâdâ laštâk-vlä-eš kok minut-âštâ kâšked kâšk-en*
Вася бумага лист-ACC мелкий кусок-PL-LAT два минута-IN рвать.CVB бросать-PRET
‘Вася за две минуты разорвал лист бумаги на мелкие кусочки’.

b. **vas'a pumaga l'ist-əm tâgâdâ laštâk-vlä-eš kok minut kâšked kâšk-en*
Вася бумага лист-ACC мелкий кусок-PL-LAT два минута рвать.CVB бросать-PRET
Ожидаемое значение: ‘Вася две минуты разрывал лист бумаги на мелкие кусочки’.

(47) a. *vas'a pi-vlä-m päsä-n pušt-än kâšk-en*
Вася собака-PL-ACC быстрый-ADV убивать-CVB бросать-PRET
‘Вася быстро поубивал собак’.

b. ?*vas'a pi-vlä-m olen pušt-än kâšk-en*
Вася собака-PL-ACC медленно убивать-CVB бросать-PRET
‘Вася медленно поубивал собак’.

Сложные глагольные комплексы с предикатами *šuaš* ‘бросить’ и *kāškāš* ‘бросать’ имеют во многом сходные свойства. Обе конструкции описывают достижение предела (соответствующий процесс чаще всего развивается быстро). Смысловыми глаголами, прототипически используемыми в этих конструкциях, оказываются глаголы разрушения, уничтожения или удаления пациенса. Обе конструкции совместимы с глаголами обработки пациенса, но пациенс в этом случае должен быть семантически множественным. С глаголами создания нового объекта во многих идиолектах совместим только глагол *šuaš* — также в случае множественности второго участника. Конструкции с *šuaš*, но не конструкции с *kāškāš* допускают перенос в ментальную сферу, проявляющийся в сочетании с глаголом *mondaš* ‘забывать’. В то же время, между этими конструкциями имеются и более системные различия, о которых пойдет речь в разделах 3.5—3.6.

3.5. Сопоставление конструкций: множественность участников

Первое из упомянутых различий касается единичности vs. множественности участников ситуации при глаголах разрушения, уничтожения и удаления пациенса, а также при глаголе *vāžalaš* ‘продавать’. Для конструкций с глаголами обработки это различие стирается, поскольку, как было показано выше, обе конструкции требуют в этом случае множественного пациенса.

Для глаголов с различной аргументной структурой ограничение на множественность может затрагивать разных участников. Чаще всего возникает ограничение на множественный объект. Как видно из (48)—(50), конструкции с *šuaš* совместимы как с единичным, так и со множественным объектом, тогда как конструкции с *kāškāš* требуют множественного объекта. Семантика множественности может быть при этом выражена различными способами: с помощью показателя множественного числа (48b), в составе количественной конструкции (49b), эксплицитным обозначением некоторого множества (как *part'ä* ‘стая’ в (50b)).

- (48) a. *män' pükšem-äm šüt-en šu-š-âm / *šüt-en kăšk-ăš-âm*
я узел-ACC развязывать-CVB бросить-AOR-1SG развязывать-CVB бросать-AOR-1SG
'Я развязал узел'.
- b. *män' pükšem-vlä-m šüt-en šu-š-âm / šüt-en kăšk-ăš-âm*
я узел-PL-ACC развязывать-CVB бросить-AOR-1SG развязывать-CVB бросать-AOR-1SG
'Я развязал узлы'.
- (49) a. *män' protokol-âm port'-en šu-en-äm / *port'-en kăšk-en-äm,*
я протокол-ACC портить-CVB бросить-PRET-1SG портить-CVB бросать-PRET-1SG
ves pačaş sir-ăš värešt-eš
другой раз писать-INF приходится-NPST.3SG
'Я испортила протокол, придется переписать'.
- b. *män' lu protokol-âm port'-en šu-en-äm / port'-en kăšk-en-äm,*
я десять протокол-ACC портить-CVB бросить-PRET-1SG портить-CVB бросать-PRET-1SG
cilä ânde ves pačaş sir-ăš värešt-eš
все теперь другой раз писать-INF приходится-NPST.3SG
'Я испортила 10 протоколов, придется теперь все переписать'.
- (50) a. *püergä pi-m pušt-ân šu-en / *pušt-ân kăšk-en*
мужик собака-ACC убивать-CVB бросить-PRET убивать-CVB бросать-PRET
'Мужик убил собаку'.
- b. *püergä pi part'-m pušt-ân šu-en / pušt-ân kăšk-en*
мужик собака стая-ACC убивать-CVB бросить-PRET убивать-CVB бросать-PRET
'Мужик убил стаю собак'.

В сочетании с глаголами разделения на части глагол *kăškăš* допускает единичный объект при наличии в этом случае множественного результата (т. е. большого количества частей, на которые разделяется объект), см. (51b), (52b). При эксплицитном указании на количество частей, равное двум, конструкция с *kăškăš* невозможна, см. (51a), (52a). Глагол *šuaš*, как видно из (51)—(52), не имеет подобных ограничений в сочетании с глаголами разделения на части.

- (51) a. *vas'a t'etrad' l'ist-äm kok-t-eš kăšked šu-en / *kăšked kăšk-en*
Вася тетрадь лист-ACC два-FULL-LAT рвать-CVB бросить-PRET рвать-CVB бросать-PRET
'Вася разорвал тетрадный лист пополам'.
- b. *vas'a t'etrad' l'ist-äm tâgâdâ laštâk-vlä-eš kăšked šu-en / kăšked kăšk-en*
Вася тетрадь лист-ACC мелкий кусок-PL-LAT рвать-CVB бросить-PRET рвать-CVB бросать-PRET
'Вася разорвал тетрадный листок на мелкие кусочки'.
- (52) a. *vas'a pol'enä-m pele loš šel-ân šu-en / *šel-ân kăšk-en*
Вася полено-ACC половина пополам колоть-CVB бросить-PRET колоть-CVB бросать-PRET
'Вася расколол полено пополам'.
- b. *vas'a pol'enä-m šukâ laštâk-eš šel-ân šu-en / šel-ân kăšk-en*
Вася полено-ACC много кусок-LAT колоть-CVB бросить-PRET колоть-CVB бросать-PRET
'Вася расколол полено на много частей'.

В сложных глагольных комплексах с лексемой *văžalaš* 'продавать', представляющей класс дитранзитивных глаголов, глагол *kăškăš* предполагает дистрибутивную ситуацию продажи элементов множества разным конечным посессорам, ср. ситуацию из (53a). Продажа множества объектов одному конечному посессору может быть описана конструкцией с глаголом *šuaš* (53b). Замена в последнем случае *šuaš* на *kăškăš* приемлема не во всех идиолектах (53c). Те носители, для которых пример (53c) допустим, соотносят его с ситуацией, при которой продажа множественного объекта осуществлялась несколькими порциями (с ситуацией единовременной продажи всего множественного объекта пример (53c) несовместим).

- (53) a. *kečä mâčkâ pazar-âštâ âl-ân-am, cilä olma-m*
день по рынок-IN быть-PRET-1SG все яблоко-ACC
văžal-en šu-en-äm / văžal-en kăšk-en-äm
продавать-CVB бросить-PRET-1SG продавать-CVB бросать-PRET-1SG
'Я целый день была на рынке, распродала все яблоки'.

- b. *mән' cilä olma-m vas'a-lan vāžal-en šu-en-üm*
я все яблоко-ACC Вася-DAT продавать-CVB бросить-PRET-1SG
'Я продала все яблоки Васе'.
- c. *²mән' cilä olma-m vas'a-lan vāžal-en kăšk-en-üm*
я все яблоко-ACC Вася-DAT продавать-CVB бросать-PRET-1SG
'Я продала все яблоки Васе (²несколькими порциями / *все сразу)'.

Указанное различие между предикатами *šuaš* и *kăškăš* в сложных глагольных комплексах мотивировано их исходной семантикой. Как было показано в разделе 2.1, в прямом значении глагол *šuaš* описывает ситуацию единичного броска, а глагол *kăškăš* — ситуацию множественных бросков. Семантика множественности важна именно для *kăškăš* и в рассматриваемых нами конструкциях, где он требует множественности объекта, результата или, в случае глагола *vāžalaš* ‘продавать’, конечного possessора. В свою очередь в конструкциях с грамматикализованным глаголом *šuaš* ограничение числовых характеристик объекта не возникает (за исключением глаголов обработки и создания нового объекта, рассмотренных в разделе 3.3.2). В предшествующих работах такие свойства конструкций с *šuaš* и *kăškăš* проанализированы в явном виде не были.

3.6. Сопоставление конструкций: контролируемость

Конструкции с *šuaš* и *kăškăš* различаются и своей сочетаемостью с адвербиалами, указывающими на контролируемость или неконтролируемость ситуации. Так, сочетание с целевым наречием *jori* ‘специально’ допустимо для обеих конструкций, см. (54a) и (55a). В свою очередь такие адвербиалы, как *jori agâl* ‘не специально’ и *samân* ‘случайно’, возможны только при конструкции с *šuaš*, но не при конструкции с *kăškăš*, см. (54b) и (55b).

- (54) a. *mән' jori pi budkâ-m pādârt-en šu-š-âm / pādârt-en kăšk-ăš-âm*
я специально собака будка-ACC ломать-CVB бросить-AOR-1SG ломать-CVB бросать-AOR-1SG
'Я специально сломал собачью будку'.
- b. *mән' jori agâl pi budkâ-m pādârt-en šu-š-âm / *pādârt-en kăšk-ăš-âm*
я специально NEG собака будка-ACC ломать-CVB бросить-AOR-1SG ломать-CVB бросать-AOR-1SG
'Я нечаянно сломал собачью будку' (например, задев чем-то громоздким при строительных работах).
- (55) a. *vas'a cilä dokum'ent-vlä-m jori port'-en šu-en / port'-en kăšk-en*
Вася все документ-PL-ACC специально портить-CVB бросить-PRET портить-CVB бросать-PRET
'Вася все документы специально испортил'.
- b. *vas'a cilä dokum'ent-vlä-m samân' port'-en šu-en / *port'-en kăšk-en*
Вася все документ-PL-ACC ошибочно портить-CVB бросить-PRET портить-CVB бросать-PRET
'Вася все документы по ошибке испортил'.

По корпусу экспедиционных текстов мы имеем возможность оценить только конструкции с *šuaš* (конструкции с *kăškăš*, напомним, в текущей версии корпуса не встретились). Они встречаются как в контекстах, предполагающих неконтролируемое действие, так и в очевидно контролируемых контекстах (к такому же выводу привело и анкетирование носителей). Например, в (56) глагол *šuaš* в сочетании с глаголом *jâlataš* ‘жечь’ маркирует ситуацию ожога, который может получить человек, уснувший на печи и не контролирующей эту ситуацию. Пример (57), напротив, описывает процесс сенокоса, безусловно контролируемый агенсом.

- (56) *ti mongâr-ăštâ amal-at, jâlat-en šu-en kerd-ät molo,*
этот сторона-IN спать-NPST.3PL жечь-CVB бросить-CVB мочь-NPST.3PL еще
kogo-n šokšâ vâl-n-et-šâ
большой-ADV горячий верх-IN2-POSS.2SG-POSS.3SG
'С этой стороны [печи — E. К.] спят, могут получить ожог, очень жарко наверху-то'. (Корпус)
- (57) *šudâ kušk-ân šo-n, sâ don sal-en šu-en-ät*
трава расти-CVB достигать-PRET коса с косить-CVB бросить-PRET-3PL
'Трава выросла, косой ее скосили'. (Корпус)

Тем самым, наш материал в значительной степени противоречит сделанным в ряде работ предшественников утверждениям о том, что конструкции с *šuaš* и *kăškăš* описывают неконтролируемые действия

(см. такое толкование в [Krasnova et al. 2017: 166—167] для конструкций с обоими глаголами и в [Пенгитов и др. 1961: 206—207] для конструкций с *käškäš*). Для конструкций с *käškäš* в исследуемом идиоме такая характеристика некорректна, поскольку они описывают целенаправленные действия и не сочетаются с адвербиалами противоположной семантики. Для конструкций с *šuaš* эта характеристика неточна, поскольку они совместимы и с контролируруемыми, и с неконтролируемыми ситуациями. Заметим, что данное различие не может быть прозрачно выведено из исходной семантики глаголов *šuaš* и *käškäš*: оба они описывают контролируемые броски, тогда как близкая к полю бросания неконтролируемая ситуация ‘ронять’ описывается в горномарийском языке глаголом *kenvactaraš*, являющимся каузативным производным от *kenvazaš* ‘падать’. На это указывают как наши полевые данные, так и словарь [Саваткова 2008: 89].

4. Заключение

В статье на материале горномарийского языка были рассмотрены сложные глагольные комплексы с грамматикализованными предикатами *šuaš* ‘бросить’ и *käškäš* ‘бросать’. Показано, что, как ранее и отмечалось нашими предшественниками, эти конструкции описывают достижение предела некоторым процессом, чаще всего развивающимся с высокой скоростью. Это не противоречит и типологическим предсказаниям о моделях грамматикализации лексем с исходной семантикой бросания.

Мы описали семантические ограничения, накладываемые в этих конструкциях на смысловые глаголы (чего не было сделано в предшествующих исследованиях марийских языков; в типологии этот аспект также не исследован). В первую очередь в сложных глагольных комплексах с предикатами *šuaš* и *käškäš* встречаются глаголы разрушения, уничтожения или удаления пациенса. При наличии семантически множественного объекта с обоими предикатами сочетаются также глаголы обработки (как ‘мыть’ или ‘гладить’) и глагол смены посессора ‘продавать’. Только с предикатом *šuaš* во многих идиолектах сочетаются глаголы создания нового объекта (лишь в том случае, если этот объект множественный, а информация о его создании или о необходимости такового находится в прагматической пресуппозиции).

Между сложными глагольными комплексами с лексемами *šuaš* и *käškäš* имеется два важных отличия, ранее не описанных в литературе. Во-первых, конструкции с *käškäš* во всех случаях предполагают наличие семантически множественного участника — объекта, результата или конечного посессора (для конструкций с *šuaš* такое ограничение возникает только в отмеченных выше периферийных случаях, но не в сочетаниях с глаголами разрушения, уничтожения или удаления). Это ограничение может быть объяснено тем, что глагол *käškäš*, в отличие от *šuaš*, исходно описывает ситуации множественного бросания. Во-вторых, глагол *šuaš* совместим и с контролируруемыми, и с неконтролируемыми ситуациями, а глагол *käškäš* — только с контролируруемыми.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IN — инессив
ACC — аккузатив	IN2 — второй (непродуктивный) инессив
ADD — аддитивная частица	INF — инфинитив
ADV — наречие	ITER — итератив
AOR — аорист (1-е прошедшее время)	KIN — маркер некоторых терминов родства
CAUS — каузатив	LAT — латив
CAUS.DIST — дистантный каузатив	NEG — отрицание
COM — комитатив	NMLZ — номинализация
CVB — конверб (деепричастие)	NPST — непрошедшее время
DAT — датив	PL — множественное число
DETR — детранзитивизатор	POSS — посессивность
EL — элативный послелог	PRET — претерит (2-е прошедшее время)
FULL — полная форма	PROP — проприетив
GEN — генитив	PTCP.ACT — активное причастие
ILL — иллатив	PTCP.PASS — пассивное причастие
ILL2 — второй (непродуктивный) иллатив	SG — единственное число

Л и т е р а т у р а

Васикова 1996 — *Васикова Л. П.* Горномарийское языкознание: современное состояние и перспективы развития // Тезисы докладов международной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». Йошкар-Ола, 1996. С. 28—31. {*Vasikova L. P.* Hill Mari linguistics: contemporary state and development perspectives // Structure and development of Finno-Volgaic languages: Book of abstracts. Yoshkar-Ola, 1996. P. 28—31.}

Голосов 2017 — *Голосов Ф. В.* Брось, оставь и уйди: легкие глаголы *koltaš*, *šuaš* и *keäš* в горномарийском языке и их аспектуальная семантика // Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23—25 ноября 2017 г.) / Отв. ред. *Мищенко Д. Ф.* СПб, 2017. С. 32—34. {*Golosov F. V.* Throw, leave and go: light verbs *koltaš*, *šuaš* and *keäš* in Hill Mari and their aspectual semantics // 14th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. Abstracts (Saint-Petersburg, 23—25 November 2017) / Ed. *Mishchenko D. F.* SPb, 2017. P. 32—34.}

Гращенков 2015 — *Гращенков П. В.* Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М., 2015. {*Grashchenkov P. V.* Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization. M., 2015.}

Гращенков 2017 — *Гращенков П. В.* Конструкции со вспомогательными глаголами (КВГ) // Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Ред. *Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш.* М., 2017. С. 418—447. {*Grashchenkov P. V.* Serial verb constructions (SVC) // Elements of the Tatar language in a typological view. Mishar dialect / Ed. *Tatevosov S. G., Pazelskaya A. G., Suleymanov D. Sh.* M., 2017.}

Ивтушок 2015 — *Ивтушок Е. И.* Глаголы типа «бросать» в лексико-типологическом освещении // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. Под ред. *Лютиковой Е. А., Циммерлинга А. В., Коношенко М. Б.* М., 2015. С. 114—122. {*Ivtushok E. I.* Verbs of throwing in a lexical-typological view // Typology of morphosyntactic parameters. Materials from the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”. Vol. 2. Ed. *Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B.* M., 2015.}

Ивтушок 2016 — *Ивтушок Е. И.* К типологии глаголов со значением «бросать» // Проблемы лексико-семантической типологии. Сб. науч. трудов. Под ред. *Кретова А. А.* Вып. 3. Воронеж, 2016. С. 72—77. {*Ivtushok E. I.* On the typology of verbs of throwing // Problems of lexical-semantic typology. Collection of articles. Ed. *Kretov A. A.* Vol. 3. Voronezh, 2016. P. 72—77.}

Кашкин 2018 — *Кашкин Е. В.* Грамматикализация горномарийских глаголов позиции // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум (Чебоксары, 21—24 мая 2018 г.). Сборник статей. Чебоксары, 2018. С. 178—184. {*Kashkin E. V.* Grammaticalization of Hill Mari posture verbs // Language contacts of the Volga and Ural peoples. XI International Symposium (Cheboksary, May 21—24, 2018). Collection of articles. Cheboksary, 2018. P. 178—184.}

Кашкин, Мордашова 2017 — *Кашкин Е. В., Мордашова Д. Д.* Полисемия и грамматикализация глаголов бросания: данные горномарийского языка // Доклад на Рабочем совещании по глаголам падения в языках мира (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 26 ноября 2017 г.). {*Kashkin E. V., Mordashova D. D.* Polysemy and grammaticalization of the verbs of throwing: evidence from Hill Mari // Talk at the Workshop on the verbs of falling in languages of the world (Saint-Petersburg, ILS RAS, November 26th, 2017.}

Майсак 2005 — *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. {*Maisak T. A.* Typology of grammaticalization of the constructions with motion verbs and posture verbs. M., 2005.}

Мищенко 2013 — *Мищенко Д. Ф.* Об одном сложном глаголе: конструкция *-p tor-* в башкирском языке // Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН). 2013, 3. С. 107—141. {*Mishchenko D. F.* On a complex verb in Bashkir: The *-p tor-* construction // Acta Linguistica Petropolitana. 2013, Vol. 3. P. 107—141.}

Мордашова 2017 — *Мордашова Д. Д.* Особенности лексико-семантического поля бросания в горномарийском языке (на материале говора с. Кузнецово) // Доклад на Чтениях к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (Москва, МГУ, 3—4 марта 2017 г.). {*Mordashova D. D.* Specifics of the lexical-semantic field of throwing in Hill Mari (based on the sub-dialect of the Kuznetsovo village) // Report at the A. Kuznetsova 85th anniversary conference (Moscow, MSU, 3—4 March 2017).}

Пенгитов и др. 1961 — Ред. *Пенгитов И. Т., Галкин И. С., Исанбаев Н. И.* Современный марийский язык. Йошкар-Ола, 1961. {Ed. *Pengitov I. T., Galkin I. S., Isinbaev N. I.* The Modern Mari language. Yoshkar-Ola, 1961.}

Саваткова 2002 — *Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка. Szombathely, 2002. {*Savatkova A. A.* Hill dialect of the Mari language. Szombathely, 2002.}

Саваткова 2008 — *Саваткова А. А.* Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола, 2008. {*Savatkova A. A.* Dictionary of the Hill Mari language. Yoshkar-Ola, 2008.}

Серебренников 1960 — *Серебренников Б. А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. {*Serebrennikov B. A.* Categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of Permian and Volgaic groups. M., 1960.}

СМЯ — Словарь марийского языка: в 10 т. Гл. ред. *И. С. Галкин*. Йошкар-Ола, 1990—2005 // www.marlamuter.org/muter/ {Dictionary of the Mari language. In 10 volumes. Ed. *I. S. Galkin*. Yoshkar-Ola, 1990—2005 // www.marlamuter.org/muter/}

Татевосов 2016 — *Татевосов С. Г.* Глагольные классы и типология акциональности. М., 2016. {*Tatevosov S. G.* Verb classes and the typology of actionality. M., 2016.}

Хонти 2013 — *Хонти Л.* К вопросу о происхождении спаренных глаголов в финно-угорских языках Волжско-Камского региона // Урало-алтайские исследования. 2013, 2 (9). С. 109—113. {*Honti L.* On the origins of paired verbs (serial verbs) in the Finno-Ugric languages of the Volga-Kama region // *Ural-Altaic Studies*. 2013. Vol. 2 (9). P. 109—113.}

Чхаидзе 1941 — *Чхаидзе М. П.* Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М., 1941. {*Chkhaidze M. P.* Syntax of Meadow Mari. M., 1941.}

Чхаидзе 1969 — *Чхаидзе М. П.* Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969. {*Chkhaidze M. P.* Paired verbs in Mari. Yoshkar-Ola, 1969.}

Шлуинский 2006 — *Шлуинский А. Б.* Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006, 1. С. 32—47. {*Shluinskiy A. B.* Actionality and an aspectual marker: the auxiliary verb *il-* construction in Chuvash // *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2006, Vol. 1. P. 32—47.}

Языки народов СССР 1966 — Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. {Languages of the peoples of the USSR. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages. M., 1966.}

Alhoniemi 1993 — *Alhoniemi A.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg, 1993.

Baranova 2013 — *Baranova V.* Grammaticalization and semantics of complex predicates in Kalmyk // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 2013. Vol. 94. P. 9—35.

Bradley 2010 — *Bradley J.* Mari converb constructions: interpretation and translation. MA Thesis. Vienna, 2010.

Dowty 1991 — *Dowty D.* Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991, 67 (3). P. 547—619.

Driussi 1992—1993 — *Driussi P.* Paired verbs — serial verbs in Cheremis // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 1992—1993. Vol. 16—17. P. 59—105.

Heine, Kuteva 2004 — *Heine B., Kuteva T.* World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2004.

Hook 1991 — *Hook P.* The emergence of perfective aspect in Indo-Aryan languages // *Approaches to grammaticalization*. Vol. 2. Focus on types of grammatical markers. Ed. by Traugott E., Heine B. Amsterdam/Philadelphia, 1991. P. 59—89.

Hopper, Thompson 1980 — *Hopper P., Thompson S.* Transitivity and grammar and discourse // *Language*. 1980, 56 (2). P. 251—299.

Hopper, Traugott 2003 — *Hopper P., Traugott E.* Grammaticalization. Cambridge, 2003.

Krasnova et al. 2017 — *Krasnova N., Yefremova T., Riese T., Bradley J.* Reading Hill Mari through Meadow Mari. Vienna, 2017.

Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.

Lehmann 2015 — *Lehmann Ch.* Thoughts on grammaticalization (3rd edition). Berlin, 2015.

Malchukov 2005 — *Malchukov A.* Case pattern splits, verb types and construction competition // *Competition and Variation in Natural Languages: The Case for Case* / Eds. *Amberber M., de Hoop H.* London, New York, 2005. P. 73—117.

Moisio, Saarinen 2008 — *Moisio A., Saarinen S.* Tscheremissisches Wörterbuch / aufgezeichnet von V. Porkka, A. Genetz, Y. Wichmann, M. Räsänen, T. Uotila, E. Itkonen. Helsinki, 2008.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается грамматикализация двух глаголов бросания — *šuaš* и *käškäš* — в составе сложных глагольных комплексов в горномарийском языке. Обсуждаются некоторые морфосинтаксические свойства данных конструкций. Рассматриваются сочетаемостные ограничения предикатов *šuaš* и *käškäš* в сложных глагольных комплексах. Анализируются сходства и различия двух конструкций.

SUMMARY

The article deals with the grammaticalization undergone by two verbs of throwing — *šuaš* and *käškäš* — in Hill Mari complex predicates. Some morphosyntactic properties are discussed, as well as the collocational re-

strictions of *šuaš* and *käškäš* in complex predicates. Similarities and differences between the constructions are also analyzed.

Ключевые слова: горномарийский язык, сложные глагольные комплексы, семантика, грамматикализация, глаголы бросания

Keywords: Hill Mari, complex predicates, semantics, grammaticalization, verbs of throwing

Кашкин Егор Владимирович, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва); egorkashkin@rambler.ru

Egor V. Kashkin, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow); egorkashkin@rambler.ru